

ПЛАМЯ НЕГАСИМОЕ

Они были совсем юные. Но пришла война и надела на их хрупкие плечи солдатские шинели. Они были веселые и смешливые, как все девчонки их возраста. Но в час испытания совершили подвиг. Их было пятеро — каждая со своим характером, своей неповторимой судьбой. Девочки погибли в неравном бою, но победили.

Об атом, о мужестве и героизме, о человечности спектакль «А зори здесь тихие...», который поставил киевлянин Московский театр драмы и комедии на Таганке. Он начинается равные традиционного третьего звонка: в фойе среди зрителей появляется военный с четырьмя трусиковыми на петлицах, с устремлением в руках почти никому неизвестным. И вдруг весь театр наполняется произносящими всем слышимым: «Воздух! Гражданское население, в укрытие!» (Потом это предупреждение не раз будет повторять старшина Васков). Вот так мы попали в атмосферу Вели-

кой Отечественной, в грозный и трудный сорок второй год.

А само действие началось чуть замедленно, окрашенное теплым юмором. Выстоявшему началу надоело выслушивать рапорты старшины Васкова по поводу дисциплинарных нарушений в его маленьком лесном гарнизоне. И тогда к нему присылают... жеманную лавочку. Фант сам по себе невероятный для старшины, превыше всего ставящего воинский устав и считающего критерием оценки людей в армии — выполнение его пунктов. А как быть, если прибывшие вместо слова «боясь» говорят «Галля», «Соня», «Катя», да и вивотники носят как-то не так, портняжки не умеют наматывать?

Женщины на войне. Вчерашние школьницы, работницы, студентки... Пройдет совсем мало времени, и они попадут в настоящую боевую обстановку, когда, завоет сирена, надрыно застрочит зенитный пулемет. И шаг за шагом перед нами будут раскрываться черты характеров

персонажей — и юных зенитчиц, и старшины Васкова, внешне как будто простоватого, но какой большой душой человека. Вначале он растерян от такого неожиданного «подарка» майора — вместо обстрелянных солдат прибыли девчонки. Но с какой заботой относится он к ним — и поеш, и на минях не сиди, и ватничек подложи, так оберегает их — и минуту смертельной опасности, когда стало известно, что враг превосходит их силой. И открылся глубокий философский жеманная философия старшины Васкова, когда он напоминает девушкам: «Вы — будущие матери». В трагическую минуту над телом погибшей Соны Гурвич он скажет: «Ничтожна оборвалась». Да, оборвалась, ибо погибла юная жизнь и не будет у нее продолжения в детях, внуках.

Наливать Женю Комелькову, эту красавицу, о которой девушки восхищенно говорят, что на нее посмотреть бы только в музей. Веселая, неутомимая, она кажется сначала неуместной и лишней в этой суровой обстановке. А чуть позже обнаружится, что Женя пережила страшную трагедию: у нее на глазах фашисты расстреляли мать, а «сестренку» дубинали». Актриса Н. Шацкая показывает свою героиню веселой и задумчивой, озорной и отчаянно храброй. И в последнем ее боем мы еще раз убеждаемся, какой яркий и красивый человек эта Женя Комелькова.

В спектакле нет главной героини. Здесь их пять: Рита Осянина, Соня Гурвич, Лиза Бричкина, Женя Комелькова, Галля Четвертак. Со старшиной Васковым они идут по своим — золотым, чужим — битым и обаявительным фашистских диверсантов — дух

паразитов, которых случайно увидела в лесу Осянина. Идут и не знают, что фашистов не двое...

— Три, пять, семь, — словно механически за кем-то повторяя, считают девушки. — Одиннадцать. — Шестнадцать. Вот с таким вооружением до зубов и специально подготовленным вражеским отрядом вступают в бой девушки и старшина Васков.

Спектакль поставлен по повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» (инсценировка Ю. Любимова и В. Глаголина). Эту интересную повесть читали многие. И в кои-то мере не прикинь заслуги писателя, следует сказать, то, что мы увидели на сцене, потрясает. Ибо мы увидели не просто волнующий женский эпизод, а нечто большее — правдивую картину справедливой великой войны народа, женщины на войне. Здесь ярко проявилось искусство обобщения — единичное за небольшим отрядом — мы вставали сотни, тысячи.

Он очень своеобразен, этот спектакль. И ступени декорации, когда доски и блики света могут создавать впечатление и леса, и грунтолки, и доверного уютного дома (художник Д. Боровский, свет — К. Паньшин), и неожиданные повороты в живые повествования: одна за другой погибают героини, а

перед нами их истории из вчерашнего детства, звучат их песни у надгробья из сосен. И потому, хотя финал трагический, девушки живут. Да, минут, несмотря на то, что мы видели, как утонула в трясине, идя на подмогу, Лиза Бричкина, как упала от бийдического удара юной Соны Гурвич, как сказала последние слова младший сержант Осянина, как крикнула, поджигая пулен, Галля Четвертак.

Угас в лесной тишине последний крик Бричкиной. И, словно кинокадры, — вот они, живые, в маленькой избушке отца-лесника, тепло и уютно говорят о своем будущем.

Как подстрелила тростника, опустившись на землю Соня. А выключенный лучом света кадр перенес нас в довоенный дом девочки, читающей Влока.

И кажется, всегда будет звучать для Риты Осяниной утесский вальс, ее любимый вальс, несмотря на то, что прошла ее автоматная очередь.

Театр дал жизнь этим девушкам, погибшим в неравном бою, дал по-своему — талантливо и убедительно. И финал спектакля, когда старшина Васков, рыдая, прощаясь и круша, расправляется с фашистами, действительно потрясает.

Мы иногда слышим споры: театр «среднестатистический» или «актерский»? Повернем пока с определенностью, хотя сама постановка такого вопроса поставит на диалектическое единство, без которого творчество невозможно. Но попытаемся с этой точки зрения взглянуть на спектакль «А зори здесь тихие...». Что ж, будем откровенны: во время действия для зрителей не существовало актера В. Шаповалова. В те минуты был для них старшина Васков. И точно так же волновала их

судьба Риты Осяниной (актриса — З. Славина). И З. Пыльнова — Соня Гурвич, и Т. Жукова — Галля Четвертак, и Г. Корнилова — Лиза Бричкина. — Все они для нас остались юными зенитчицами, очень человечными и близкими. Так ведь к такому переопределению и стремится актер!

Как-то Борис Чирков вспоминал, что его на улице нередко окликали Максимом. И это были счастливейшие минуты в жизни актера. А ранее отделим от образа Чапаева Бориса Вайсман? И если Н. Шацкая задечательна в нашей памяти Женей Комельковой, значит, это большая удача актрисы.

Эти слова говорить об «актерском» театре. А «актерский»? Так прощайте, поднимайте тихих высот гражданственности, патриотизма, дайте такую яркую, убедительную жизнь своим героям под силу лишь талантливому художнику. Когда мы говорим о главном режиссере театра Юрии Любимове, мы подчеркиваем слово — «художник». Потому что спектакль не только режиссерская удача — перед нами нечто большее, что стало делом воспитания, верностью традиции, песней подвигу. Мы увидели не просто талантливого режиссера (постановка Ю. Любимова, режиссер В. Глаголин), одаренных актеров, мы увидели Театр. И это главное.

У спектакля есть особенность. Он не завершается после традиционного занавеса. Выволнованные, уже выходя из театра, мы снова возвращаемся к увиденному и пережитому: горят в фойе негасимым пламенем пять снарядных гильз — вечный огонь юным героиням. Они не вернутся с войны, но живут в благодарной памяти человечества.

А. МАЙКО.